

ДЕТЕКТИВЫ О ЖЕНЩИНЕ – ЦУНАМИ

Анна Ольховская

Ухожу
в монастырь!

Папарацци идет по следу

Анна Ольховская

Ухожу в монастырь!

«Соболева Анна Николаевна»

2012

Ольховская А.

Ухожу в монастырь! / А. Ольховская — «Соболева Анна Николаевна», 2012 — (Папарацци идет по следу)

ISBN 978-5-699-59114-5

Не успела Анна Лоцинина опомниться после приключений в амазонских лесах, как на нее свалилась новая напасть. Лучшая подруга Саша Голубовская и ее дочь Вика не могут прийти в себя после исчезновения сына Вики – малыша по прозвищу Помпошка. Саша и Вика уверены, что он погиб, но дочь Анны – Ника, девочка-индиго, «увидела» Помпошку живым и невредимым! А если кому-то и грозит опасность, так это его отцу – загадочному Каю Ландбергу. Анна из сил выбилась, убеждая Сашу с дочкой, что это вовсе не бред! Когда ей это удалось, подруги решили: Кая надо найти любой ценой и Вика должна обрести сына! Для осуществления этого плана отчаянным дамочкам придется отправиться на Урал, туда, где в густых лесах прячется таинственная и ужасная «чудь белоглазая»!

ISBN 978-5-699-59114-5

© Ольховская А., 2012

© Соболева Анна Николаевна, 2012

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	27
Часть 2	31
Глава 9	31
Глава 10	34
Глава 11	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Анна Ольховская

Ухожу в монастырь!

Часть 1

Глава 1

Сначала было слово. «...!» Произнесенное с большим чувством. С эмоциональным подъемом, я бы сказала.

Собственно, я и сказала. А потом очень эмоционально поднялась. Вот только особой грациозностью мой подъем не отличался.

Он отличался сопением, возней и безуспешными попытками собрать вихлястые ноги в кучу. А они, ноги, превращаясь в устойчивую и надежную опору категорически отказывались, угрюмо бубня что-то маловразумительное насчет «обладающей избыточным самомнением кретинки, напялившей на нас изящные сапожки на высоченном каблуке. И это после трех лет вольницы в растоптанных сандалетах!».

Ну да, согласна, есть кро-о-охотная толика истины в оскорбительных инсинуациях моей обуви. Но именно крохотная. Крохотульная. Микроскопическая.

Я действительно последние три года провела в месте, где о наличии брендовых сапог никто и понятия не имел, местное население предпочитало передвигаться по джунглям босиком. Это когда они пешком шли. А еще некоторые умели летать. А другие – нырять, плавать и оставаться под водой сколь угодно долго.

Племя Земли, племя Воды и племя Воздуха.

Появившиеся в результате бесчеловечных экспериментов нацистского изувера доктора Менгеле, начавшего свои «изыскания» еще в концентрационном лагере Освенцима¹.

Он успешно инсценировал потом свою гибель и, обустроив в глухих амазонских джунглях секретный научный комплекс, приступил к любимому занятию – опытам над людьми. В качестве подручного материала были использованы три индейских племени, имевших несчастье жить в выбранной Менгеле местности.

Из них со временем и получились племя Воды – амфибии, племя Воздуха – обладатели кожистых перепонок-крыльев, и племя Земли – меньше всего похожие на людей, а больше на оборотней, какими их показывают в кино.

Как туда попала я? Это долгая история.

Но сначала позвольте представиться. Меня зовут Анна Лощинина. Сейчас я стою немного в стороне от раскатанной детьми скользюшки, на которой, собственно, мои ноги и утратили связь не только с реальностью, но и с поверхностью, и я пребольно шмякнулась на пятую точку.

И отправила в пространство то самое слово.

Знаю, знаю, приличной даме выражаться столь непарламентскими терминами конфузно, но, во-первых, в российском парламенте сей лексикон давно уже употребим, а во-вторых, я сейчас одна, мои дети остались дома и краснеть мне не перед кем.

И вообще, сами попробуйте куртуазно усмехнуться и небрежно посетовать: «Вот ведь неприятность какая!», получив подлый удар льдом не только в довольно мягкую пятую, но и еще в ту самую болевую точку локтя, от которой буквально бьет током.

¹ См. роман А. Ольховской «Дрессировщик русалок».

А потом еще и это унижительное копошение на льду, напоминающее страдания перевернутой черепахи. И ведь так и не смогла самостоятельно подняться, какой-то сердобольный прохожий пособил.

Вот стою теперь, пальто отряхиваю и на обувь свою сквозь зубы шиплю. Хотя модные изящные сапожки ни в чем не виноваты, если только в том, что площадь сцепления с землей в них катастрофически мала.

А надо было чуни «Прощай, молодость!» на устойчивой танкетке покупать, да пошире, чтобы ту самую площадь сцепления увеличить, раз уж угораздило размер ноги иметь не сороковой, а тридцать седьмой.

Который, становясь на высоченную шпильку, превращает подошву в крохотный пяточок, для успешной балансировки на котором требуется немалый профессиональный опыт.

Опыт эквилибриста.

Ну, или следящей за модой женщины.

Я, собственно, не могу причислить себя к вдохновенными феминисткам, принципиально не пользующимся косметикой и презирающим всякие новомодные женские штучки-дрючки, и за модой всегда очень даже следила.

Не бегала следом, конечно, преданно повторяя все, даже самые бессмысленные телодвижения кумира, но время от времени посматривала.

И с обувью на высоких каблуках у нас отношения складывались более чем теплые.

А потом мы с Никой попали в лапы доктора Менгеле, и три года я туфли-лодочки могла видеть разве что во сне.

Кто такая Ника?

Так, давайте-ка по порядку.

Двенадцать лет назад в одном из областных центров России, расположенном от Москвы всего в паре часов езды на автомобиле, жила-была журналистка на вольных хлебах Анна Лощина. Жила размеренно, без особых потрясений, да и откуда им, потрясениям, взяться, когда ты пишешь вовсе не на криминальные темы, а, что называется, за жизнь. И в личной жизни тоже полный штиль – после неудачного замужества и последовавшего вскоре развода я считала себя циничной, разочарованной в мужчинах и неспособной на любовь женщиной.

Ну их в пень, мужиков этих!

Этим тостом обычно заканчивались наши с Таньским посиделки в компании бутылочки мартини в моей однокомнатной квартире.

Таньский, она же Татьяна Старостенко, на тот момент была моей единственной близкой подругой, начало дружбы с которой затерялось где-то в первом классе.

Она работала бухгалтером, тоже пережила неудачный роман (правда, так и не завершившийся браком, но есть разница?), и тост наш звучал слаженным дуэтом.

А потом совершенно случайно, на спор, если честно, обнаружилось, что я умею писать стихи. И не только стихи, но и тексты песен.

Что и поставило крест на моем немного скучном, но спокойном и безопасном существовании.

Потому что моими текстами заинтересовался Алексей Майоров – один из ярчайших представителей российского шоу-бизнеса. Самый закрытый на тот момент персонаж светских тусовок. И в связи с этим – обладатель самой большой армии поклонниц.

Среди которых были и больные на всю голову. Но об этом я узнала позже.

А сначала было заочное, телефонное, знакомство с Майоровым.

С Лешкой. С моим нынешним мужем.

Тогда-то и закончилась спокойная жизнь, и Анна Лощинина ступила на минное поле². Прихватив с собой и Таньского.

Правда, подружка вместе со мной подорвалась только один раз, да и то по собственной инициативе, лично топнув по очередной мине. Но зато в результате превратилась из скромной одинокой бухгалтерши Татьяны Старостенко в любимую жену наследника миллионов, красавчика Хали Салима³. Сейчас у них трое детей – Лейла, Денис и Кемаль, и они спокойно и счастливо живут в Швейцарии.

А мы с Лешкой продолжали брести по минному полю. И подрываться, и умирать, и воскресать, и снова исчезать, и снова встречаться.

И любить друг друга все сильнее...

Может, именно из-за этой бесконечной любви у нас и родился ребенок-индиго – наша дочь Ника.

Обладающая невероятными по силе и возможностям способностями. Мощнейшей ментальной силой, сохранить которую в тайне от спецслужб, давно уже интересующихся всеми случаями появления на свет детей-индиго, нам удавалось с помощью нашего ангела-хранителя, любимого (пусть и неродного) дедушки Сережи. Сергея Львовича Левандовского, генерала ФСБ, отца лучшего Лешкиного друга, Артура.

Чего только не было в нашей с Лешкой жизни!

Меня уносило то цунами в Юго-Восточной Азии, то я вместе с Таньским умудрилась попасть в лагерь лжебедуинов, нас хотели продать, потом я навестила с познавательной экскурсией тайную тюрьму ЦРУ, побывала в подвале маньяка-людоеда, схлестнулась один на один с черным колдуном Вуду – бокором, пожелавшим отнять у меня мою дочь...

Много чего было.

Но в итоге мы наконец перешли это минное поле, расположенное на пути к тихому семейному счастью.

И несколько лет прожили спокойно.

А потом прилетел рикошет из прошлого.

И Алексей превратился в раба сексуальной ведьмочки Изабеллы Флоренской (в миру – Антонины Евсеевой), а нас с Никой похитили люди доктора Менгеле, заинтересовавшегося способностями моей дочери.

Там, на Амазонке, я поняла, что беременна во второй раз. И что над моим еще не рожденным ребенком этот изувер будет проводить опыты. И помешать этому не сможет даже моя чудо-девочка Ника.

Потому что она одна, а помощников у Менгеле – много.

Но оказалось, что она не одна.

Он все-таки был гением, доктор Менгеле. Злым, но – гением. И в результате его экспериментов индейцы мутировали не только физически, но и ментально.

Среди них появились так называемые Сильные. То есть, по сути, те же индиго.

Их было совсем немного, причем все они были очень молодыми. Новое поколение, так сказать. И пользоваться своими способностями вместе они пока не умели.

Но Ника их научила. Она оказалась самой сильной среди них, хотя на тот момент ей было всего семь лет.

Однако она смогла объединить всех Сильных, и научный центр доктора Менгеле вместе со всем списочным составом просто перестал существовать...

Это было страшно. Очень страшно. Я до сих пор по ночам иногда просыпаюсь от собственного крика, вспоминая выползающую из джунглей жуть.

² См. романы А. Ольховской из серии «Анна Лощинина. Папарацци идет по следу».

³ См. роман А. Ольховской «Бог с синими глазами».

В живых не оставили никого из бывших Богов.

Кроме Петера Вайса, рыжего тощего доктора, еще до нападения Сильных пытавшегося помочь нам с Никой сбежать.

Но, обрета наконец долгожданную свободу, мутанты нас не отпустили. Они боялись, что мы приведем к ним других белых людей, которые снова начнут мучить и издеваться.

И какой бы сильной ни была моя дочь, противостоять объединенной воле остальных она не могла. Мы вынуждены были остаться.

А потом родился Алексей Майоров-младший, Ежик для своих. Маленькая копия папы. Не индиго, обычный мальчишка, умный, развитый, сильный. И это хорошо, потому что его старшей сестре ее способности ничего, кроме проблем, пока не принесли.

Спустя три года Ника, все это время упорно учившаяся управлять своей силой, с помощью остальных смогла наконец дотянуться через полмира до отца. И увидела сгущающийся вокруг него мрак...

В общем, на этот раз удержать нас не смогли. Да и, если честно, не очень старались, потому что, возрастая с каждым днем сила Ники кое-кому не нравилась.

И мы рванули в Москву.

И успели вовремя.

Потому что без помощи Ники и ее друзей Алексей Майоров так и остался бы в глазах обывателей жестоким маньяком и убийцей по кличке Дракула.

Его подставили так ловко и виртуозно, что шансов у Лешки не было. Ни одного.

Но теперь все позади, мы вот уже почти месяц дома, и я учусь ходить по снегу на каблуках.

Глава 2

Нет чтобы подождать до весны, пока растает снег и асфальт снова станет привычно шершавым! Тогда бы потихоньку-полегоньку, ковыль-ковыль, поначалу с ходунками, а потом, через пару недель, – и сама бы пошла, покачиваясь и растопырив в стороны руки. К лету, глядишь, и восстановила бы легкую и упругую походку грациозной кошки.

Гм... что-то не припомню кошку на каблуках.

В общем, мудрому терпению я так и не научилась. Что поделаешь, южный темперамент. Мои родители, встретившиеся и поженившиеся в одном из областных центров России, раскинувшем свои кирпично-панельные крылья к северо-востоку от Москвы, попали туда по распределению, отучившись в институтах.

Но оба были южных кровей. Нет, не восточных, а именно южных. Казачьих.

Папа родился в донской станице, а мама – на Кубани.

И все мое детство прошло там, на юге. Я на всю жизнь запомнила вкус белого, пышного, отдыхающего после выхода из печи хлеба. Я не могла дождаться, пока он остынет, «дойдет» под чистеньким льняным полотенчиком, и украдкой отламывала вкуснющую горбушку. За что и получала уже другим, более увесистым, полотенцем по филейной части. Хотя какое там филе! Тогда часть тела, на которой я сидела, больше напоминала суповой набор – кости, кости, кости и чуть-чуть мяса на них.

Помню кукурузу под три метра, точь-в-точь, как в нынешних американских ужастиках. Но у нас там ничего страшного не происходило, мы там прятались от бабушки. Помню заросший виноградом изабелла двор, в тени которого так здорово было прятаться от палящего солнца.

Помню расสวิрепевшего после очередного моего капризного «Не буду есть этот ваш борщ, надоело!» деда.

Ух, и досталось же мне! Хорошо, что шашка дедова была спрятана далеко, а то порубал бы если не меня, то стол. Я потом до вечера отсиживалась в кукурузе.

А к вечеру дед успокоился. Он даже раньше успокоился, характер имел взрывной, но отходчивый.

И передал его мне. А поскольку с другой, с маминной, стороны в роду тоже имелись есаулы, ожидать от меня спокойного, рассудительного, нордического поведения было бы глупо.

Наверное, именно из-за этого я и вляпываюсь постоянно в неприятности.

В том числе и в такие мелкие, как сегодня.

Ну, принес вчера Алексей эти сапоги, купив их на свой страх и риск. В чем страх и риск? Кто же покупает обувь без примерки! Но они с Виктором (бессменным уже на протяжении многих лет помощником Майорова) случайно попали на международную выставку-ярмарку изделий из кожи. И на стенде одной известнейшей итальянской фирмы Лешка увидел эти сапоги. Причем они не продавались, это был образец.

Но так думал представитель фирмы. До тех пор, пока господин Майоров не решил, что эти сапожки как раз и созданы для его соскучившейся по нормальной обуви жены.

А когда господин Майоров что-то решает, проще согласиться с его решением сразу, меньше мороки и больше сохраненных нервных клеток.

Я не знаю размера материальной компенсации задолбанному представителю фирмы в частности и фирме в целом, да и знать не хочу. Потому что сапоги действительно оказались чудо как хороши – и по дизайну, и колодка удобная, и ноги они обняли нежно и ласково.

И по квартире я процокала той самой уверенной и грациозной кошкой.

– Ну что, нравится? – улыбнулся Алексей, наблюдая за мной.

– В целом неплохо, – царственно кивнула я, рассматривая стройную и длинноногую себя в зеркале.

Ох, кривила душой, просто в спираль душу скрутила! Мне не просто нравилось, я была в восторге!

В прежние годы я бы радостно сообщила об этом мужу поцелуем, но не сейчас. Хотя по его глазам я видела, как Лешка ждет этого «раньше», как надеется на него.

Весь этот месяц, прошедший после нашего возвращения из небытия, надеется.

Но увы...

Я не могу. Не могу простить его. Разумом понимаю, что не так уж он и виноват, что это был сексуальный приворот, результат двойных усилий старой ведьмы Степаниды и молодой ведьмы Тоньки-Изабеллы⁴. А в том, что ведьмовство и колдовство – вовсе не бабьи сказки, я имела несчастье убедиться лично и с тех пор не морщусь пренебрежительно носик, когда слышу об этом. Да, большинство газетных объявлений, в которых «потомственные маги и колдуны» обещают на раз-два выполнить любое желание и излечить от любой болезни, даются обыкновенными мошенниками, потому что настоящие маги и колдуны предпочитают держаться в тени и вовсе не жаждут привлечь к себе внимание.

Но они есть. И не все среди них – белые. Приверженцев тьмы тоже хватает.

И Степанида с Антониной были как раз из этой, черной, когорты.

И оплели Алексея липкой паутиной весьма сноровисто, превратив его в послушную марионетку. Если бы Ника была рядом, ничего подобного бы не произошло, но нас не было...

И Лешка едва не погиб.

Надо было видеть его глаза в момент нашей первой встречи!

Пустые, безжизненные, наполненные лишь выгоревшим пеплом чувств, они вспыхнули такой дикой, безумной радостью, что я даже немного испугалась за его душевное здоровье.

Несколько показавшихся мне вечностью мгновений он, застыв на месте, смотрел на меня, на повзрослевшую за три года Нику, на никогда не виденного им сына, и в глазах его все сильнее закручивалось торнадо счастья, надежды, бесконечной радости и... пугающего безумия.

А потом ему навстречу шагнул Ежик. И робко спросил:

– Папа?

Никто и никогда до тех пор не видел Алексея Майорова плачущим.

Но эти слезы вымыли из его глаз безумие, оставив лишь искрящееся счастье.

И вернув ту самую, бесконечную, преданную и страстную любовь.

Любовь ко мне.

Он так надеялся, что все позади, что мы снова заживем все вместе, одной, ставшей на замечательного мальчишку больше семьей. И снова будет звенеть посудой на кухне Катерина, наша бессменная домоправительница, ставшая нашим детям любящей бабушкой. А в квартире тоже будет слышен звон, но не посуды, а заливистого смеха Ежика и Ники. И наш постаревший, седой, но все еще большой и сильный пес, наш страшненький, израненный ирландский волкодав по кличке Май, все три года преданно ждавший нашего возвращения, будет счастливо, по-щенячьи влаивать, принимая участие в детской возне. И с восторгом катать на спине хохочущего Ежика.

А он, Алексей, будет стоять рядом со мной, обняв меня за плечи и прижавшись подбородком к моей макушке, наблюдая за храбрым всадником.

И плавиться от счастья.

В общем-то, все так и было. И вернувшаяся к нам Катерина, все еще периодически плачущая от радости при виде Ники и Ежика. И звонкий смех моих детей. И восторг старичка Мая. И вкусные запахи готовящейся еды. И мы с Лешкой, наблюдающие за играми наших детей.

⁴ См. роман Анны Ольховской «Прекрасная дикарка».

Но – не рядом.

Нет, мы можем сидеть рядом, стоять рядом, Алексей может даже приобнять меня.

Но не слиться со мной в единое целое душой и телом.

Я не могу простить его. Не могу, и все.

Чувства и эмоции разуму никак не подчинятся. Тупо уперлись на своем, и сдвинуть их с этого своего мне пока не удастся.

Что? Вы считаете, что я просто разлюбила Лешку?

Наверное, это было бы наиболее щадящим вариантом.

Но... Не получится.

Пощадить мою душу, изорванную в клочья, не получится.

Потому что я не могу разлюбить самого родного, самого лучшего, самого нужного мне мужчину. С тех пор, как я встретила Лешку, все остальные представители рода мужского перестали для меня существовать. Нет, как друзья и знакомые, они остались. И некоторых я очень люблю – Виктора, к примеру, или Артура. Или мужа моего Таньского, Хали. А Сергей Львович – вообще мне как отец.

Но МОЙ МУЖЧИНА, моя половинка, мое горькое счастье – только он.

Лешка. Алексей Майоров.

Больше всего на свете сейчас ждущий моего прощения. И возвращения.

Но я пока не могу.

И Лешка каждый день уезжает из нашей квартиры к себе. Он продал ту квартиру, в которой жил с Тонькой-Изабеллой, и купил другую.

А мы с детьми и Катериной поселились в нашей прежней, все эти три года, пока нас не было, стоявшей закрытой и пустой.

Куда Алексей приезжает теперь в гости...

Глава 3

В общем, легко и изящно поцокав вчера каблучками по паркету, я себе настолько понравилась, что решила немедленно выгулять новые сапожки, познакомив их с московским снегом.

Но немедленно не получилось, было уже слишком поздно для выноса себя в город. В запасе, правда, имелся вариант с Маем, давно уже нетерпеливо переминавшимся у входной двери, но, во-первых, утренние и вечерние прогулки с нашим собакевичем оккупировали дети (хотя кто-то из взрослых все же выходил вместе с развеселой компашкой, мало ли что). А во-вторых, надевать дизайнерскую обувь для сопровождения пса на попись было бы верхом гламуризма.

Это когда гламур сливается в экстазе с идиотизмом.

И я решила перенести премьеру сапог на утро.

И перенесла. И надела-таки их, несмотря на увещевания Катерины, предпочитавшей зимой носить исключительно войлочные опорки, черненькие такие, с суровой молнией впереди. Дизайна времен освоения целины. И, как ни странно, до сих пор выпускаемые отечественными обувными фабриками.

Зато удобно и не скользят.

– Аннушка, ты куда это собралась на таких каблучищах с утра пораньше? – нахмурилась Катерина, появляясь в дверях кухни.

– А что, на каблуках можно ходить только с вечера попозже? – пропыхтела я, закончив натягивать последний из двух сапог.

– Конечно. Да я вообще не понимаю, как на таких ходулях с места сдвинуться можно! – проворчала домохозяйка. – Я и по молодости-то никогда на такую страсть не становилась, хотя мои подружки все на платформах ходили.

– Это как это? – вмешался Ежик, выехавший из детской на спине Мая. – Что ли, твои подружки все время ходили там, где поезда?

– При чем тут поезда? – озадачилась баба Катя. – Какие еще поезда?

– Ну ты же сказала мамичке, что твои подружки на платформах ходили. А платформы всегда там, где поезда.

– Ах ты мой зайчонок сладенький! – немедленно умилилась домохозяйка, подхватывая отважного всадника с немного подуставшей спины пса. – Лапушка мой золотой, какой же ты умничка!

– Я не лапушка! – потешно нахмурился малыш, упираясь кулачками в пышную грудь бабы Кати. – Лапушки только девочки бывают, а я мальчик! И вообще, пусти меня! Я тут Зорро сейчас, и мне надо мчаться вдаль! А вы тут со своими поездами!

– Сынище, – я очень старалась говорить серьезно, но улыбка все время дергала меня за уголки губ, – баба Катя говорила вовсе не о поездах. Когда она была молодой и очень красивой девушкой...

– Прямо уж! – засмушалась домохозяйка. – Нашла красавицу!

– Так вот, – продолжила я, – тогда очень модной была обувь на так называемой платформе, то есть когда подошва была сантиметров восемь-десять высотой, а каблук соответственно все двадцать.

– Это как это? – Ежик сосредоточенно засопел, соображая, а потом радостно вскинулся: – А, понял, понял! Это как тот странный дядя по телевизору, который все время крашенные губки надувает и вот так говорит. – Ребенуш манерно закатил глазки и очень похоже произнес: – Звезда в шоке!

– Обезьяна, – не удержалась от хихика я.

– Артист, настоящий артист! – всхлинула Катерина. – Весь в отца, ну до капелюшечки!

После чего артист был подвергнут тисканию, зацеловыванию и утаскиванию на кухню на предмет дегустации вкусняшек.

Если бы Ника была дома, она непременно присоединилась бы к дегустации, но дочка с утра была заангажирована Ингой Левандовской, внучкой Сергея Львовича, относившейся к Никуське, как к своей младшей сестренке.

Инга была на девять лет старше Ники, но это вовсе не мешало девчонкам общаться на равных. Возможно, потому, что Ника была не такой, как все.

И могла такое, о чем все даже и помыслить не смели.

Но при этом оставалась десятилетней девочкой, обожавшей возиться с младшим братом, смотреть мультики, играть в компьютерные игры и шушукаться с Ингой о сердечных делах старшей подружки.

Думаю, с этой целью Инга и уволокла сегодня с утра пораньше мою дочь. Младшая из семейства Левандовских относилась к способностям Ники абсолютно спокойно, воспринимая их как само собой разумеющееся. Она в свое время прочитала в Интернете все, что там имелось о детях-индиго, и теперь всю пользовалась помощью названной сестренки.

А вы бы не захотели узнать, как на самом деле к вам относится ваш кавалер?

В общем, дочки дома не было, сын отвлек внимание домоправительницы, а я смогла спокойно, без объяснений и комментариев, завершить процесс маскировочного одевания и выйти из квартиры.

Почему маскировочного?

Да потому, что после нашего с Никой и Ежиком неожиданного возвращения из небытия весь месяц не утихал ажиотаж вокруг этого события.

Еще бы! Ведь загадочное исчезновение семьи Алексея Майорова, после которого он женился на своей любовнице, тоже вменялось ему в вину.

Ну а что – все понятно! Убил жену и дочь, закопал где-нибудь в лесу, а потом изображал страшное горе, почти год мотался по свету, якобы в поисках семьи. А на самом деле только и ждал, когда со своей девкой в открытую жить можно будет!

И вдруг – такое!

Мало того, что и жена, и дочь живы-здоровы, так еще и сын, оказывается, у Майорова родился!

А в том, что Алексей Майоров-младший действительно сын Алексея Майорова-старшего, не сомневался ни один самый скептический скептик.

Потому что наш Лешик-Ежик был такой точной копией отца, что порой казалось, что это клон. И если бы только внешность... Но и походка, и мимика, и жесты – все у мальчика было таким же, как у папы.

А вот в повзрослевшей Нике, малышкой тоже очень походившей на Алексея, сейчас все больше проступают мои черты.

Но моей копией нашу дочь назвать нельзя, просто видно, что она моя. И Лешкина. Но – сама по себе.

Красивая получилась девочка, чего уж там. Густые, слегка вьющиеся волосы ольхового оттенка, изящные черты лица, тонкие темные брови, пушистые ресницы, но больше всего внимание привлекают глаза.

Большие, странные, двухцветные – серо-карие.

Пристальный взгляд которых не все могут перенести.

Но Ника редко смотрит «особенным» взглядом. Она в совершенстве научилась управлять своей силой и чаще всего «отключает» ее, предпочитая жить нормальной жизнью обычной десятилетней девочки.

В школу пока ни она, ни Ежик не пошли. Ежик – в силу малолетства (хотя там, в джунглях Амазонки, Петер Вайс научил его читать и писать, причем не только на русском, но и на немецком языке), а Ника...

Мы с Алексеем и Сергеем Львовичем просто не знали пока, куда ее отправить учиться.

Да, для детей-индиго уже созданы специальные учебные заведения, но, во-первых, они все интернаты закрытого типа, а во-вторых, курируются спецслужбами.

Об этом Сергей Львович Левандовский, генерал ФСБ, имел представление не понаслышке.

И именно поэтому тайну Ники знали только самые близкие – делать из нашей дочери подопытного кролика мы не собирались.

Так что Ника на пару с братом пока с упоением предавалась ничегонеделанию.

А все мы прятались от пронырливых папарацци, не собираясь никому рассказывать, где же мы были больше трех лет. Мы не давали интервью, не ходили на записи всевозможных ток-шоу, предоставив разбираться с прессой Виктору.

Он и разбирался, как мог, но удержать на привязи свору папарацци был не в силах.

И эти типы сутками дежурили возле нашего дома с фотокамерами наперевес. И даже усиленная по просьбе Алексея охрана придомовой территории не могла справиться с особо пронырливыми типами.

Поэтому мы обычно сразу спускались в подземный гараж и выезжали из дома на машине.

А когда хотелось прогуляться пешком – прибегали к маскировке.

Вот и я прибежала сегодня. Тем более что зимой это сделать довольно легко – достаточно надеть другое пальто, натянуть до бровей меховую шапку-стог, спрятав под ней волосы, и накрасить только губы (от мороза). А без макияжа я, обладательница светлых ресниц, становлюсь совсем не похожей на себя при параде.

Почему решила отказаться от машины?

Сапоги. Не забыли? Их же прогулять надо, а не покатать.

К тому же я собралась идти совсем недалеко, на соседнюю улицу, где за эти три года, пока нас не было в Москве, открылся чудесный магазинчик дизайнерских подарков и украшений.

И где я собиралась выбрать подарок для Саши Голубовской.

Совершенно справедливо очень обидевшейся на меня.

Глава 4

Хотя что это я! Сашка давно уже не Голубовская, она сменила фамилию мужа, оказавшего редкостной гнидой, на свою девичью, и теперь и она, и ее дети, Слава и Вика, – Демидовы.

Наверное, было бы еще разумнее стать не Демидовыми, а фон Клотцами, взяв родовое имя Сашкиного деда, Зигфрида фон Клотца, оставившего в свое время завещание, по которому все его немалое, прямо скажем, состояние отходило ребенку Марии Ковалевой. Девушки, угнанной во время войны из белорусской деревушки на работу в фашистскую Германию. Статную красивую славянку матушка Зигфрида вы-брала из привезенной с Востока толпы измученных людей для работы в своем замке, ну а там – там случилось то, что случилось.

Но это не было простым развлечением скучающего аристократа. Зигфрид на самом деле полюбил скромную и добрую девушку. И собирался на ней жениться, ведь его обожаемая Мария ждала ребенка.

Но – не случилось. Мария решила выправить себе документы в советской комендатуре, и больше Зигфрид ее никогда не видел.

Но не забыл. Не смог. И всю оставшуюся жизнь прожил один, так и не женившись и не родив наследников.

Поэтому его единственный племянник, Фридрих фон Клотц, сын младшего брата Вольфганга, был абсолютно уверен, что солидный бизнес и огромное состояние дядюшки со временем отойдут ему, Фридриху. Надо только подождать, оставаясь милым и заботливым Фрицци и беспрекословно подчиняясь властному и жесткому дяде.

Что для младшего фон Клотца было достаточно серьезным испытанием – избалованный красавчик, не привыкший себе ни в чем отказывать (в точности как его папенька), он обычно отдавал приказы, а не выполнял их.

Но – увы! – папашка успел промотать свою половину наследства, пьянствуя и играя в рулетку тогда, когда его брат Зигфрид целеустремленно работал, приумножая свои деньги.

И последние годы Вольфганг и его семья жили за счет брата. А брат, зная страсть младшенького к азартным играм, денег выделял ровно столько, чтобы тот мог сносно существовать.

Но взял к себе на фирму Фридриха, успевшего получить неплохое образование.

И гонял племяшку довольно жестко.

Но Фрицци терпел. Ведь на кону было состояние с шестью нулями в хвостике. Да и опыт ведения бизнеса, передаваемый дядей, сам по себе стоил немало.

Тем более что дядюшка не был самым здоровым человеком в мире.

А потом Зигфрид фон Клотц умер. И нотариус огласил его завещание...

Сказать, что Фрицци был в шоке, – ничего не сказать. Он обезумел от ярости и ненависти к проклятому старому скоту. Что? Дядюшка ведь оставил племянничку некоторую сумму денег и замок возле чешского городишки Клатовы?

Это жалкие крохи, унижительная подачка по сравнению с главным кушем!

И Фридрих решил найти наглых претендентов на его (как он искренне полагал) деньги раньше, чем это сделают юристы дяди.

И нашел.

Мария Ковалева родила дочь. И назвала ее Риммой. Римма выросла, вышла замуж и родила девочку Сашу.

На момент появления Фридриха фон Клотца – Александру Голубовскую, жену Андрея Голубовского и мать Вики и Славы.

Вике как раз должно было исполниться восемнадцать лет, и фон Клотц решил в темпе обаять неопытную девушку и жениться на ней. Войдя таким образом в число наследников.

А потом – лишь вопрос времени. Пара несчастных случаев, и вот Вика уже круглая сирота – ни матери, ни брата. Что? Еще вроде отец у нее есть?

Одно название, а не отец. Андрейка оказался редкой пакостью, недаром же ему на зоне дали кличку Гнус.

В общем, закрутилась тогда кровавая карусель, и, если бы Сашка не пригласила меня съездить с ней за компанию в Чехию, у фон Клотца вполне могло все получиться. Ведь душка Фрицци был хорош собой – высокий стройный голубоглазый блондин с правильными чертами лица, к тому же обладающий немалым опытом обольщения. На момент их первой встречи Фридриху было тридцать два года, Вике вот-вот должно было исполниться восемнадцать. Где уж тут устоять девчонке перед опытным соблазнителем!

Много, очень много страшного и мерзкого тогда произошло⁵, но в итоге у фон Клотца и Андрейки Голубовского случился грандиозный облом.

Обломище.

И оба отправились за решетку. Фридрих – за немецкую, Андрюшка – за белорусскую.

Правда, Гнус умудрился сбежать и снова начал пакостить, уже лично мне, но это совсем другая история⁶.

А Фрицци, насколько мне известно, сидит в тюрьме.

Стоп. Ему же восемь лет дали. А это значит, что он уже больше двух лет на свободе!

Надеюсь, он не рискнул снова появиться на Сашкином горизонте, оставив мысли об ускользнувшем наследстве.

Надо будет у Сашки спросить, когда она приедет.

Но сначала – убедить приехать. И желательно вместе с детьми. Мы ведь не виделись целых пять лет, наверное, Викуська давно замуж вышла или Славка женился. И Сашенция уже бабушка!

Хотя нет, от Славки ждать ранней женитьбы не приходится, ему ведь только этим летом исполнится двадцать пять. А, насколько я помню, парень всегда был любимцем девушек и весьма охотно пользовался своей популярностью. Кстати, годовалая Ника тоже симпатизировала Сашкиному сыну, грозно заявляя: «Сява мой!»

А вот Викуське через полтора месяца исполнится двадцать девять. И она-то скорее всего и сделала уже Сашку бабусей.

Впрочем, назвать мою хрупкую, нежную, сильную подружку, мою «стальную бабочку» бабушкой язык не поворачивается. Вот замирает во рту парализованной мышцей, и все!

Потому что Сашуля выглядит максимум на тридцать пять. Ну ладно, на тридцать шесть.

Во всяком случае, когда мы виделись последний раз пять лет назад, она выглядела именно так.

И не думаю, что она сильно изменилась.

Ничего, скоро лично смогу убедиться, главное, чтобы Винс мне помог.

Винс, он же Винсент Морено – полевой агент ЦРУ и Сашкин муж. Они познакомились тогда, в Чехии, когда Винс вытащил обгоревшую израненную Сашку из реки. Сначала они были врагами.

А теперь...

Теперь я очень рада за мою Сашенцию. Наконец-то в ее жизни появился настоящий мужчина: сильный, честный, преданный, но главное – бесконечно любящий.

А еще Винсент – отличный друг. И человек слова.

⁵ См. роман Анны Ольховской «Первый раз».

⁶ См. романы Анны Ольховской «Лети, звезда, на небеса» и «Увези меня на лимузине».

Именно поэтому он ничего не сказал Сашке, когда мы, тайно вернувшись из джунглей Амазонки, готовили операцию по вытаскиванию Майорова из чавкающей трясины, в которой Лешка уже почти утонул.

Поскольку в деле было замешано ведьмовство, все происходило в строжайшей тайне, в суть операции были посвящены всего несколько человек: моя подруга Татьяна (она же Таньский), у которой мы жили после возвращения из Бразилии, ее муж Хали, Винсент Морено, Сергей Львович Левандовский и Виктор, помощник Майорова.

И все. Артур, Алина, Инга, Ирина Ильинична – все остальные Левандовские до последнего момента не знали, что мы вернулись. Что мы живы. И Сашка с детьми тоже не знала.

Потому что мы совершенно справедливо опасались неконтролируемого взрыва радостных эмоций, которые могли засечь старая и молодая ведьмы, Степанида и Тонька-Изабелла.

А потом мы появились. И пару дней не могли опомниться от бушующего цунами счастья, обрушившегося на нас.

И я... я не позвонила Сашке.

Сразу не позвонила.

А только через два дня.

Когда уже все средства массовой и не очень информации всю трубили о сенсационном возвращении семьи Алексея Майорова.

Нет, Сашка не бросила трубку, не накричала на меня, не обозвала всякими нехорошими словами, как раньше. Но лучше бы бросила, накричала, обозвала...

Она очень сухо и сдержанно поговорила, поздравила с возвращением и, сославшись на занятость, повесила трубку.

Первым моим порывом было все бросить и немедленно лететь в Германию, но Лешка и Сергей Львович смогли отговорить меня от этого, мягко говоря, неразумного поступка.

Особенно если учесть, что лететь я собиралась с Никой и Ежиком.

В момент, когда нездоровый интерес к нашим персонам стремительно рвется вверх, к той грани, за которой плещется фанатское безумие? А вокруг дома снуют толпы папарацци и просто любопытствующих особей?! Лететь с детьми в Германию?!!

В общем, никуда мы не полетели.

Я каждый день набирала Сашкин номер, но подруга либо отделялась парой фраз, либо вообще не брала трубку.

Но даже из тех скудных фраз, которые мне удалось вытянуть из Сашенции, я смогла понять, что за те три года, что нас не было, в семье подруги произошла какая-то трагедия.

Что-то очень и очень плохое.

Мои попытки получить информацию от Винса со звоном разбились о ту самую надежность камня. Винсент Морено прекрасно умел хранить чужие тайны.

Из-за чего, как я поняла, они с Сашкой сейчас в ссоре. Причем весьма серьезной ссоре, на грани разрыва.

Все по той же причине.

Которую зовут Анна Лоцинина.

Глава 5

В общем, надо было срочно распутывать и выпрямлять свившуюся в безобразный клубок ситуацию.

Потому что Сашка – моя очень-очень близкая подруга, таких еще называют задушевными. Их у меня всего две – Таньский и Саша.

И когда я слышу скептические хмыканья насчет женской дружбы – не существует ее, видите ли, мне жалко хмыкающую и кривляющуюся особь, особенно если особь женского пола. Если тебе не повезло, дорогуша, не надо проецировать свой личный опыт на всех.

Да, полным-полно подруг, которые почти искренне будут переживать и поддерживать тебя, когда тебе плохо. Но замучаются от завистливой изжоги, если у тебя все супер. А уж если тебе повезет в любви и ты встретишь интересного мужчину, да он еще и любить тебя будет преданно и нежно, тут уж у «подруг» появляется главная цель. Отбить мужика у этой жабы.

В общем, на мой взгляд, поговорка, что «друг познается в беде», не совсем верная. Настоящий друг познается именно в радости. Если он способен искренне порадоваться за тебя, твоим успехам, твоему счастью, твоим деньгам, в конце концов – это и есть настоящий друг.

Перед которым ты смело можешь открыть душу, не опасаясь, что туда смачно плюнут. Задушевный.

И мне очень повезло в этом плане. У меня были две такие подружки. Практически сестры, пусть не по крови, но по жизни.

И именно к Сашке я рванула когда-то, без денег, в чем была, захватив с собой лишь паспорт. Беременная Никой, задыхаясь от слез и обиды.

Почему не к Таньскому? А просто Таньский на тот момент жила в Швейцарии, а Сашка – еще в Минске, она только готовилась к переезду в Германию.

А потом я жила у подруги на ее вилле в Германии почти год, там и Ника родилась.

И у нас не было секретов друг от друга, мы все делили пополам.

Ведь горе, разделенное надвое, – половина горя. А радость, разделенная с другом, – двойная радость.

Так что реакция Сашенции на мое свинское поведение мне в общем-то понятна. Вот только что-то эта обида затянулась, Сашуля никогда не была злопамятной, она вспыльчива, но быстро успокаивается. Вся в меня.

А тут – месяц уже прошел, и никаких изменений в сторону потепления. Все тот же мороз и вежливая дистанцированность. А вдруг... вдруг это рецидив эмоционального онемения, которое было у Сашки в результате опытов по превращению ее в послушную боевую машину? Да, там, в Чехии, Винсент приволок спасенную женщину в тайную тюрьму ЦРУ, где зомбировали пленных арабских террористов, заставляя их действовать по приказу. И Стивен МакКормик, тамошний эскулап, решил и из случайно попавшей в его лапы женщины сделать биоробота. И у него почти получилось. Но Сашка все же смогла стать прежней, искренней, преданной и любящей, правда, кое-какие способности у нее остались. Она, к примеру, обладает уникальным слухом и способна услышать шепот на третьем этаже, находясь при этом на первом.

Но холодной и бездушной машиной Саша больше не была. И вдруг – такое!

Я пыталась связаться с Викой или Славой, но тут вообще без вариантов. То, что они сменили номера телефонов, меня не остановило. Пара дней – и номера оказались в моем мобильном.

Но эти зас... эти бессовестные детишки не желали со мной разговаривать! Нет, прямо об этом мне никто не сказал, они просто не брали трубку. Видели на дисплее мой номер и игнорировали.

Я пробовала дозвониться с других телефонов, и сначала получилось – Славка ответил. Но, услышав мой возмущенный вопль и обещание надрать одному обнаглевшему пацанчику задницу, тут же изобразил плохую слышимость и отсоединился.

А потом уже вредные детишки начали игнорировать все звонки с российских номеров.

Но семейство Демидовых, похоже, за годы разлуки подзабыло, что я собой представляю. И что африканский носорог по сравнению со мной – жалкий дилетант по части достижения целей.

Потому как мощная серая торпеда просто и незатейливо ломит сквозь заросли, превращая препятствия в кучу мусора, а я еще и опыт Игнация Лойолы присоединяю. Ну, того, кто оправдывал средства целью.

Очень коварный был товарищ. Иезуитски коварный.

Прямо как я.

Общаться они не хотят! Обиделись!

Да если бы просто обиделись, давно бы уже помирились. Но там все плохо, я чувствую это. И Сашка просто не хочет больше делиться со мной своей болью, посчитав, что я ее забыла.

И стала чужой.

Так что семейка Демидовых сама виновата в появлении чудовищного по красоте и обаянию гибрида носорога и Игнация Лойолы.

Гнусно использующего для осуществления своих коварных замыслов дружеское расположение генерала ФСБ, агента ЦРУ и акулы гостиничного бизнеса.

Правда, генерал, агент (особенно агент) и акула тоже очень переживали из-за нашего с Сашкой разрыва, поэтому с радостью согласились помочь.

Само собой, Лешка тоже участвовал в подготовке и претворении коварного замысла в жизнь, он все что угодно готов был сделать, лишь бы вернуть наши прежние отношения...

В общем, у Демидовых не было шансов. Ни одного.

И завтра они все вместе, все трое, прилетают в Москву, чтобы разобраться с непонятками в работе российского филиала их фирмы.

Причем нашими стараниями была создана такая ситуация, что необходимо было присутствие главы фирмы (Сашки), коммерческого директора (Славки) и юриста (Вики).

Всей верхушки, в общем.

Нет, проблема, ради которой семейство в полном составе завтра снимется с места и ровным клином полетит в сторону Москвы, на самом деле проблемой и не была – не хватало еще всерьез гадить бизнесу Сашки, – но выглядела именно так.

Чему в немалой степени поспособствовал субъективный фактор в лице главы представительства фирмы Демидовых в Москве. Лицо было трусливым, блеклым и серым. Оно, вернее, он, герр Клаус фон Штраух, два года назад сменил на этом посту Дитриха Кнапке, за какие-то проступки севшего, как нам стало известно, в тюрьму фатерланда.

Что конкретно произошло, почему Кнапке угодил за решетку, мы так и не узнали. Потому что не хотели: какая, собственно, разница? Главное, что его сменщик больше всего боялся повторить судьбу предшественника и шархался от любой тени, набегавшей на бизнес Демидовых.

И за все два года не принял ни одного самостоятельного решения, постоянно советуясь с руководством.

Пару раз за время его службы герр фон Штраух вынудил прилететь в Москву Славку, обычно визита молодого босса было вполне достаточно.

Но сейчас триумвират из генерала, акулы и агента придумали и тщательно надули такую ситуацию, что бедняга Клаус немедленно забился в истерике. И преподнес проблему своему руководству уже в виде надвигающейся катастрофы.

Предотвратить которую можно лишь общим сбором и десантированием всех Демидовых на поле боя.

В Москве.

И завтра в одиннадцать утра Александра, Вячеслав и Виктория Демидовы прилетают берлинским рейсом.

Само собой, они сразу рванут в офис, не заезжая в гостиницу, я Сашку знаю.

А там, в офисе, их будем ждать мы.

Анна, Ника и Лешик-Ежик Майоровы. И старичок Май в качестве контрольного выстрела в угрюмое сопротивление Демидовых – пса нашего они обожают.

Все остальные заговорщики будут ждать результатов по месту основной дислокации, ожидая нашего звонка.

А потом в плане мероприятий – общий сбор у нас дома, где за обильно заставленным разными вкусностями столом мы будем мирить Сашку и Винсента.

Ну и подарки дарить, конечно.

Ради которых я и выперлась сегодня из дома, взгромоздившись на каблуки. И доставила немало радости вон той разноцветной толпишке девчушек, хихикающих над моей возней на льду.

– Носите удобную обувь, дети, – мрачно пропыхтела я, закончив отряхивать пальто, – красота порой требует слишком уж унижительных жертв.

Глава 6

– А неплохо все-таки бизнес у Александры идет, – констатировал Лешка, паркуя джип на гостевой стоянке возле аккуратного двухэтажного особнячка, расположившегося в пределах Садового кольца. – Тут ведь земля просто золотая, и за каждый квадратный метр такая грызня происходит – мама, не горюй!

– А мамичка и не горя... не горю... не горевает вовсе! – уточнил Ежик, немедленно завозившийся в ненавистном детском автомобильном кресле. – Чего ей горевать, у нас сейчас все суперски! Только без друзей скучно, мне Тумиси по ночам снится. И дядя Петя тоже... Ма-а-ам, ну, отстегни меня! Я сам не умею!

– Потому что замок у ремня специально сделан, чтобы вот такие корявые ручки его открыть не могли во время движения! – хихикнула Ника. – И угроза нормальному автомобильному движению была надежно зафиксирована.

– Сама ты корявая! – обиженно засопел Ежик и, сосредоточенно шмыгая носом, занялся застежкой ремней. – Захочу и отстегнусь! Я просто не хотел!

– Ну-ну, удачи. Мам, я пока за мороженым сбегаю?

– Злыдня ты, дочура, – вздохнула я, обреченно наблюдая за погрузившимся в решение задачи Ежиком.

Теперь лучше не пытаться ему помочь, парень уперся и, пока самостоятельно не справится с проблемой, с места не сдвинется. Овны, они такие.

– Я твоего сына жизни учу. – Ника подмигнула сидевшему на полу собакевичу. – Да, Май? А то вы ему тепличные условия создаете и рискуете вырастить не мужика, а манерного андрогина. Пойдет потом это бесполое существо вихлять попой на подиум.

Лешка, как раз закончивший разговор с Виктором по мобильнику, поперхнулся от смеха:

– Ты что такое говоришь, Никуська? Ишь, продвинутый ребенок какой, нахватались ерунды из Интернета!

– Да там и хватать не надо, – нарочито пригорюнилась девочка, – эти уродцы все сайты замусорили. Скудеет генофонд, нормального мужика скоро днем с огнем не найдешь! Прямо не знаешь, от кого и рожать-то! Пап, ты не плачь, мы что-нибудь придумаем, внуки у тебя будут.

Теперь уже к рыдающему от смеха Лешке присоединилась и я.

Услышав булькающие и клекочущие звуки с передних сидений, Май приподнял голову и удивленно пошевелил косматыми бровями, переводя взгляд с нас на Нику.

– Все нормально, Май, – погладила покрытую шрамами башку девочка, – они скоро снова станут адекватными. Надеюсь. А то придется нам тетю Сашу с детьми прямо здесь, в машине, атаковать.

– Это почему вдруг? – проикала я, насторожившись.

– А потому, что их самолет уже давно приземлился, и они вот-вот прибудут. Если, конечно, в пробку не попадут. – Ника прикрыла глаза и несколько секунд молчала. А потом удовлетворенно кивнула: – Нет, все в порядке. Пробок серьезных не было, и их машина уже совсем близко. Они уже бы приехали, но этот их, как его, фон Страус, водит очень-очень осторожно. Слава начинает всерьез злиться, я чувствую.

– А что еще ты чувствуешь? – не удержалась я.

Да, можно было вообще не устраивать все эти сложности с заманиванием Демидовых, достаточно было привлечь на помощь способности Ники. Но, во-первых, в чужие мысли дочка старается не залезать вообще. А во-вторых, я просто очень соскучилась по подруге и ее детям.

И сегодня мы с Никой договорились, что свои способности дочка задействовать не будет и в чужую душу без спроса не заглянет.

Собственно, читать мысли как открытую книгу она и не может, Ника ощущает лишь энергию души, настроение, эмоции, чувства. А вот передавать свои приказы, превращая человека в зомбированную марионетку, она научилась. Тонька-Изабелла ощутила это на себе. Правда, без помощи своих друзей, амазонских индиго, Ника не справилась бы, но все равно становится порой страшно, когда подумаешь, КАКИЕ способности несет в себе новое поколение людей.

И что они смогут, если полярность души у них отрицательная...

Но наша дочь была искоркой света, и я очень надеялась, что светлых индиго будет все же больше.

– Мне показалось или кто-то договаривался не лезть в головы друзей? – нахмурился Майоров.

– А никто и не лезет, – пожал плечами Ника. – Я всего лишь хотела узнать, сколько у нас в запасе времени. Но у них в машине просто зашкаливает от энергии эмоций, мне кажется, там любой человек разберется. Мам, – она тревожно заглянула мне в глаза, – им плохо. Очень плохо. Всем. Я совсем не уловила радости, все серое и тусклое. Холодное...

Ника вздрогнула и поежилась, тоскливо шмыгнув носом.

– Получилось!

От победного вопля Ежика вздрогнули все, даже Май. А малыш уже ужом вывернулся из осточертевшего детского фиксатора и теребил ручку автомобильной двери:

– Ну чего вы сидите? Ну, идемте!

– Сын, не спеши, сначала оденься, там же холодно! – улыбнулся Лешка, с нежностью наблюдая за своей маленькой копией.

– Ага, не спеши, не спеши, – проворчал мальчик, натягивая курточку. – Ника ведь сказала – гости сейчас приедут. Мы, что ли, их на улице встретим?

– Что ли, не на улице. – Майоров вышел из джипа и, обогнув автомобиль, помог своему семейству выбраться из внушительной черной коробки.

Последним тяжело выпрыгнул Май, осмотрелся и, выбрав подходящий сугроб, побежал лить туда автограф.

А поскольку сугроб располагался неподалеку от тщательно вычищенных гранитных ступеней ведущей в офис лестницы, подобное кощунство не могло остаться незамеченным.

Сверкающая на ярком зимнем солнце стеклянная дверь распахнулась, и к нам весьма решительно направился детина в черной униформе, на ходу конструируя грозное выражение лица.

Но потом он узнал Майорова. Что, судя по мгновенно появившимся в глазах значкам, символизирующим доллар, вызвало приятные воспоминания и напомнило о славной пачечке американских денежек, перекочевавшей в лопатообразные ладошки секьюрити.

Грозное выражение лица с позором шмякнулось в тот самый, основательно пожелтевший сугроб, сменившись приветственной улыбкой – по мнению исполнителя, нам его гримаса показалась кривым оскалом.

Предупредительно зарывавший рядом Май явно был с нами согласен.

– Ну что же вы так долго, Алексей Викторович! – забухтел детинушка. – Мне только что фон Штраух звонил, сказал, что они с боссами будут через десять минут.

– По-моему, фора вполне приемлемая, – усмехнулся Лешка, подхватывая на руки Ежика.

– Чего? – слегка окосел от умственного перенапряжения секьюрити.

– Времени, говорю, у нас еще достаточно, – пояснил Майоров, направляясь к входной двери. – Внутри все готово? Сотрудники предупреждены?

– Да-да, конечно, не волнуйтесь. – Охранник услужливо забежал вперед и распахнул перед нами дверь. – Проходите, пожалуйста. Вот только...

Он страдальчески поморщился, разглядывая комья снега, свисающие с шерсти пса. Наш старичок, воспользовавшись минутной заминкой, старательно выкатался в свежем снегу, решил «перышки» почистить перед встречей, наверное.

– Май! – Ника укоризненно покачала головой. – Ну что ты как маленький, честное слово! Забыл, что надо делать перед входом в помещение?

Пес глянул на любимую хозяйку из-под лохматых бровей, тяжело вздохнул и, отойдя от нас на пару шагов, основательно так, от кончиков ушей до кончика хвоста, отряхнулся.

– Ишь ты, дрессированный, сразу видно! – восхищенно протянул охранник. – Умный, видать!

– И видно, и видать, – фыркнула Ника. – Мам, давайте поторопимся, они уже близко.

– Показывайте, где тут гнездо этого вашего фон Штрауха! – приказал Лешка.

Гнездо оказалось на втором этаже прекрасно отремонтированного здания, над дизайном которого поработал хороший профессионал. Никакой купеческой показной роскоши, все стильно, качественно, удобно и эргономично.

Перед кабинетом босса, само собой, сидела секретарша. И тоже стильная и профессиональная. В хорошем смысле профессиональная – серьезная такая дама средних лет с безупречной стрижкой и в стильных очечках.

Лишь на мгновение у нее в глазах мелькнул восторг узнавания Алексея Майорова, а потом она вежливо улыбнулась и кивнула:

– Проходите, пожалуйста.

– Спасибо, – так же вежливо ответил ей Ежик и подергал отца за ухо: – Пап, поставь меня на пол, я сам пойду!

– Сам, сам, – согласился Лешка и, отпустив сына, повернулся ко мне: – А может, мне с вами остаться?

– Нет, мы уже все обсудили. Жди нашего звонка.

– Хорошо. Удачи! Пусть у вас все получится.

– Обязательно получится.

Глава 7

На этом тщательно продуманный и сконструированный план, собственно, и заканчивался. Дальше нам предстояло импровизировать.

Впрочем, оставался еще один немаловажный этап. Этапирование.

Отделение фон Штрауха от семьи Демидовых и этапирование его куда подальше.

Нет, ну что вы, при чем тут Сибирь? И не в Южное Бутово. И даже не в Мытищи. В любой другой кабинет этого здания, главное, чтобы он нам не мешал.

Для выполнения спецзадания уже прибыл господин Хали Салим собственной бизнес-аккулей персоной. Но лично кидаться наперерез Штрауху и его боссам муж Таньского не собирався, поскольку боссы не раз сживали с воротилой гостиничного бизнеса за одним столом. И на столе этом были разложены отнюдь не бумаги.

Хали, и являвшийся, собственно, источником мнимой угрозы бизнесу Демидовых, должен был позвонить Штрауху на мобильный в тот момент, когда все прибывшие уже войдут в здание, и очень убедительно (а господин Салим умеет убеждать) порекомендовать трусливому герру немедленно выйти на парковку и забрать у господина Салима бумаги для Демидовых.

Какие бумаги, зачем – я не вникала. Мальчики разберутся. А девочке надо было подготовиться к встрече подруги.

Речь там убедительно-покаянную приготовить, с массой решающих аргументов, мизансцену продумать – где будет сидеть Май, куда пристроить Ежика, а нам с Никой надо вот...

Ни фига не успела. Мы едва только сняли верхнюю одежду и осмотрелись, а в предбаннике уже послышались голоса:

– Придется, чувствую, заменить Клауса кем-то более решительным и способным на самостоятельные действия. – Ого, сколько металла в голосе подруги! Настоящая стальная бабочка. – Интересно, он в туалет сам ходит или тоже с тобой, Слава, согласовывает?

– Да вроде сам. – А голос-то у Славки какой стал! Словно выдержанный коньяк, бархатный. И даже сейчас, когда он погружен в проблемы бизнеса, его голос звучит завораживающе. – Но ты права, мама. Он не справляется. Устроил истерику, вытащил нас сюда, а сейчас – ты видела? Всего один звонок ему на мобильный, и наш Клаус превратился в трясущееся желе.

Я мельком глянула на Нику – она ведь еще в год решила, что «Сява – мой!». Но никакого конфузливости румянца на щеках дочери не было, наоборот – черты лица заострились, она словно прислушивалась к чему-то.

Хотя почему словно – Ника действительно слушала. Вернее, настраивалась на гостей. И если она это делает, значит, так надо.

– Знаешь, мама, мне кажется... – О, а это Вика! Голос такой же примороженный, как и у Сашки. Да, моя дочь права, не надо обладать сверхспособностями, чтобы понять – у наших друзей что-то случилось. И это что-то вынуло из них души. – ...что руководить нашим российским филиалом должен не немец, а русский.

– Не согласен, я...

Дверь распахнулась, мое сердце бухнуло последний раз где-то в горле и затаилось. Я стиснула мгновенно вспотевшие ладони и сквозь предательски набежавшие слезы смотрела, смотрела, смотрела на вошедших.

Слава, поперхнувшийся фразой и ошарашенно глядевший на нас. Какой же ты стал красивый, мальчик! Нет, не мальчик – мужчина. Густые светлые волосы зачесаны назад, чуть удлиненное чистое лицо, темные брови и ресницы, четкий рисунок губ, яркие серые глаза и совершенно неожиданная горькая складка возле рта, делавшая его гораздо старше.

Вика... Я запомнила ее кареглазой хорошенькой хохотушкой, обожавшей возиться с Никой и болтать со мной о своем, о девичьем. А сейчас в кабинет вошла стройная ухожен-

ная женщина с гладко причесанными темными волосами, с искусно подкрашенным красивым лицом и выгоревшими изнутри глазами. Они больше не сияли, ее большие миндалевидные глазищи, шоколадный оттенок словно подернулся пеплом.

Саша... Сашка... Сашенция... Моя стальная бабочка, моя нежная и сильная, женственная и опасная, такая решительная, готовая за своих близких порвать любого. Умная, смешливая, ехидная, преданная, добрая. Живая. Настоящая.

Сейчас от той, прежней, осталась лишь тень.

Пустая оболочка. Способная есть, пить, дышать, руководить фирмой, даже иногда вспоминать, что у нее есть любящий мужчина. Но огня внутри больше не было.

Саша, шедшая последней, не сразу поняла, почему ее дети вдруг замолчали и застыли на месте, словно примерзли. Она закрыла за собой дверь и слегка подтолкнула в спину сына:

– Слава, ну что ты замер? Что, наш милый Клаус устроил тут бардак, и ты...

Увидела.

На мгновение в глазах вспыхнула радость, но только на мгновение, огня не хватило. Слишком много пепла, слишком.

– Анна? – Левая бровь чуть приподнялась, знаменуя удивление. – Что ты тут делаешь? Да еще и с детьми? И с...

Май не захотел разбираться в эмоциях и чувствах людей, он был рад встрече с теми, кого не видел так долго. И поэтому тоненько, по-щенячьи взлаив, замолотил хвостом и атаковал того, кто стоял ближе.

К счастью для дам, ближе всех стоял Славка. Потому что вряд ли Сашке или Вике, этим Снежным королевам, прибавило бы положительных эмоций падение на пол под напором внушительной туши ирландского волкодава, погрузившегося в восторг. Колготки там, юбки и все такое.

А падение последовало – Слава уже подзабыл, что такое радость Мая, и не успел принять нужную стойку. За что и поплатился опрокидыванием и зализыванием. А еще – радостным топтанием передними лапами.

А пес просто сходил с ума. Он приседал, он взлаивал, он устроил хвостярой настоящий ураган, он улыбался во всю поседевшую морду, он чмокал отбивавшегося Славку, кидался к Вике, к Сашке, лизал их куда достанет, снова возвращался к Славе и все время оглядывался на нас: ну что же вы стоите? Это же они, те самые, которые выхаживали меня когда-то после ранения! И мы жили у них, и дружили, и играли, и вообще!

И он смог. Искренняя, безудержная радость пса заставила сковавший гостей лед слегка подтаять. Потом на нем появилась трещина, вторая, третья...

А потом к все еще лежавшему на полу Славе подошел Ежик, сначала спрятавшийся за мою спину, присел на корточки и улыбнулся:

– Ты не бойся. Он тебя не ест, он целуется так. Он тебя любит. А я тебя знаю, ты – Слава. А ты. – Малыш поднялся и повернулся к Вике: – Вика. Ты красивая, ага. Только почему... зачем ты плакаешь? Мамичка, – брови Ежика удивленно поднялись, – а чего они плакают? Мы же их встречать пришли, тут радоваться надо, а они плакают! Ма-а-ам! А ты чего?

Губы мальчика мгновенно задрожали и поехали в стороны – он очень редко видел свою маму плачущей.

А через две минуты из кабинета вылетел весьма помятый и обслюнявленный Славка, схватил стоявший на отдельном столике графин с водой и умчался обратно, попросив секретаршу никого не пускать.

Она, впрочем, и не собиралась, все силы уходили на то, чтобы удержать себя на месте и не прикинуть ухом к двери босса. Да-да, она очень серьезная дама, великолепный профессионал, никогда не лезет в дела руководства, но ведь интересно же! Топот, лай, теперь эти странные звуки, похожие на... плач?

Все правильно. Именно на плач. На рев. На рыдания. Причем коллективные. Мы, обнявшись, сидели на полу и дружно, в голос, ревели. Мы – это Сашка, Вика, Ежик и я.

А вокруг нас металась Май и Славка. Май слизывал слезы, а Слава пытался напоить нас водой. И даже за графином сбегал.

Но потом посмотрел на нас, усмехнулся и, поставив графин на стол, уселся рядом и обнял всех, до кого дотянулись руки.

В общем, на полу оказались все. Кроме Ники.

Но мы, если честно, этого поначалу не заметили. Так сладко было плакать вместе, вымывая из души обиду, боль, горечь, разлуку...

А потом Вика, прижав к груди уставшего плакать Ежика, выдохнула:

– Мой сын, мой мальчик... Он был бы почти такой, только чуть-чуть младше. Помпон, маленький мой, я ведь даже похоронить тебя не смогла!

– Зачем хоронить живого?

Тихий голос Ники прозвучал, словно удар хлыста, заставив всех вздрогнуть. Вика замерла и обернулась к сидевшей на диване девочке. Вслед за ней подтянулось внимание остальных, сосредоточившись вокруг бледной от напряжения Ники.

Глаза моей дочери были полузакрыты, на лбу выступили капельки пота, нижняя губа прикушена до крови.

– Что это с ней? – прошептал Слава, никогда до этого не видевший, как действует сила индиго. – Ей плохо?

– Нет, Ника с Лхарой разговаривает, – пояснил Ежик. – И с Михаром. Как там Тумиси, передавай ему привет!

– Ежик, не мешай! – Я прикрыла рот сынишки ладонью. – Ты же знаешь, как это трудно.

– Да что происходит, в конце-то концов! – Наверное, Вика хотела крикнуть, но голос сорвался, и получилось очень жалобно.

И в этот момент Ника глубоко вздохнула, открыла глаза и улыбнулась:

– Твой сын не умер.

– Что?!!

– Михаэль жив.

– Но... как... откуда ты знаешь...

Договорить Вика не смогла. Она буквально в секунду выцвела до синевы, закатила глаза и начала заваливаться на пол, я едва успела подхватить девушку.

А потом на меня мягко упала Саша.

Глава 8

– Да помоги же мне! – Я безуспешно пыталась справиться сразу с двумя дезертировавшими в обморок женщинами, но смогла лишь уложить их поудобнее, поднять сил уже не хватало. – Слава! Что ты застыл истуканом!

Ежик, испуганно убежавший прятаться к сестре, выглянул из-за ее плеча и прошептал:

– Мамичка, а они что, умерли, да?

– Не говори глупостей! – прикрикнула на него Ника. – Все будет хорошо, Вика и тетя Саша просто очень болели все это время.

– Простудились, да?

– Нет, у них душа болела.

– А...

– Еж, отстань! Слава, ну хватит тарачиться на меня, как на привидение. – Ника смешно сморщила носик и кивнула в нашу сторону: – Ты бы действительно помог маме устроить твоих поудобнее.

– Ника! – сипло проклекотал парень, откашлялся и продолжил: – Я очень надеюсь, что ты не пошутила. Ты, конечно, еще маленькая девочка, а детей обижать нельзя, но я не посмотрю...

– Слава, – абсолютно точно скопировав его интонации, Ника бесцеремонно прервала возмущенную речь, – ты, конечно, уже большой мальчик, но ума так и не нажил. Кто же шутит такими вещами?

– Но ребенок Вики погиб, мы сами это видели, вот этими вот глазами! – заорал Славка. – Этот урод Фридрих забрал малыша вместе с собой в пропасть!

– Мой маленький, – еле слышно прошелестела с пола Вика, – мой сынок, мой Помпощечка! Ему еще и месяца не исполнилось, капельке моей! Нам ведь почти удалось сбежать, но эта скотина... Эта тварь... Он догнал нас. И убил моего сына. Да, я назвала его Михаэлем, но это легко было прочитать в моих мыслях, да, Ника? И ты решила, что меня можно утешить обманом? Зачем ты так, малышка?

– Во-первых, я не читаю мысли так, как вы предполагаете, – устало улыбнулась Ника. – Я могу ощущать эмоции, чувства, могу увидеть какую-то определенную картинку из чужих воспоминаний, как будто кусочек фильма. А во-вторых, сначала вам с тетей Сашей надо прийти в себя, а потом мы поговорим.

– Я уже в порядке. – Упс, я и не заметила, что Сашенция тоже открыла глаза. – И согласна с дочерью: зачем ты так с нами, Ника? Ты же была доброй девочкой! Если ты можешь ощущать чужие чувства и эмоции, ты должна была понять, через ЧТО пришлось пройти Вике. И нам со Славой, когда мы целый год считали ее погибшей...

– Тетя Саша, я...

– Так, стоп! – Я поднялась с пола, обогнула озадаченного пса, окончательно запутавшегося в происходящем, и села рядом с едва сдерживавшей слезы дочкой на диван. Обняла ее за худенькие плечики и прошептала на ухо: «Никуська, ты не расстраивайся так, ты пойми их. Они ведь не видели тебя четыре года и не знают, что ты можешь. Я сейчас все объясню, а ты пока успокойся».

– Хорошо, мамс, – слабо улыбнулась Ника.

– А вы, дамы, – обратилась я к все еще сидевшим на полу Саше и Вике, – выкорчевывайте себя с ковролина и давайте-ка поговорим. Вон, можно в кресла сесть, можно за стол. Кофе будем пить или так, всухую пообщаемся? А может, сразу к нам рванем? Там Катерина мегабанкет готовит, и все участники заговора ждут результата.

– Какого еще заговора? – проворчал Славка, странно поглядывая на Нику.

– А вы что думали, легко было устроить массовый вылет Демидовых из немецкого гнезда?

– Так что, получается, заморочки с бизнесом – ваших рук дело? – нахмурилась Саша, устраиваясь в мягком кожаном кресле. – Вы решили напакостить, чтобы заманить нас в Москву?

– Все-таки ты, Сашенция, редкостная дурында, – грустно констатировала я. – Нет, уточню – свинская дурында. Всерьез предположить, что мы можем напакостить!

– Но ведь действительно проблема...

– Проблема у вас одна – плохой подбор персонала. Вернее, руководства персоналом. Трусость и некомпетентность вашего фон Страуса плюс бизнес-опыт небезызвестного вам господина Салима создали видимость глобальной зад... гм, глобальной проблемы, для решения которой понадобился прилет всего правящего триумvirата.

– А я давно говорил – гнать надо этого Клауса, – проворчал Слава. – Но зачем было огород городить?

– Какой огород? – Ежик у нас парень любознательный, да.

– Никакого огорода, Слава просто хочет показать, что он пока еще помнит русский язык, – съехидничала Ника. – Но в пределах базовой школы.

– Яблочко от яблоньки... – фыркнул парень, покосившись на меня.

– Само собой, – кивнула я. – Что же касается огорода – сами виноваты. Нечего было мне изоляцию устраивать! Разговаривать не хотите? Трубку не берете? Звонки игнорируете? И решили, что смогли таким образом от меня дистанцироваться? Забыли вы меня за эти годы, я смотрю.

– Тебя забудешь, – буркнула Саша и погладила по плечу присевшую на ручку кресла дочь. – Ты как, родная?

– Все нормально. – Девушка попыталась бодро улыбнуться, но дрожавшие в уголках глаз слезы выдавали кипевшую внутри боль.

– Я сразу поняла, что твое нежелание общаться вызвано не только обидой, ведь не такая уж и серьезная провинность была с моей стороны...

– Ничего себе! – возмутилась Саша. – Пропадала больше трех лет, ни слуху ни духу, я столько слез пролила, так скучала по вас, и вдруг – бабац! Из газет – подчеркиваю, из газет! – узнаю о том, что вы с Никой живы-здоровы и вернулись в Москву с чудесным прибавлением семейства, вон той маленькой копией одного злыдня. – И она, не удержавшись от улыбки, кивнула в сторону сопевшего возле сестренкиного плеча Ежика. – И ни одного звонка!

– Я позвонила!

– Через неделю!

– Через два дня!

– Неважно!

– Девочки, не ссорьтесь, – усмехнулся Слава. – Ну было дело, мам, признай. Ты так психанула, что запретила нам с Викой общаться с тетей Аней, хотя я видел, как ты тоскуешь. И как тебе хочется рвануть сюда. Но ты же гордая, ты стальная бабочка, ты ни с кем не хочешь делиться болью, ты обиделась!

– Ну да, поучи меня жизни, сынок, поучи, – проворчала Саша.

– А что делать, если ты никого слушать не хочешь! И Винса вон прогнала, он, бедный, измучился совсем, каждый день мне звонит, спрашивает, успокоилась ты или нет.

– А потому что он предатель! Все знал о возвращении Анетки и ничего не сказал!

– Так надо было, – примирительно улыбнулась я. – Потом поговорим обо всем, Сашуля, обязательно вывалим друг дружке на голову по мешку обвинений и начнем мериться, у кого обидок больше. А сейчас давай разберемся с Викторией. Вернее, с ее болью. Я сейчас не хочу знать подробностей случившегося, вкратце я поняла – фон Клотц не угомонился и, выйдя из тюрьмы, принялся за старое?

– Да, – хрустнула голосом Саша. – На этот раз он устроил гнездо не в Европе, он забился в лесную уральскую глушь, заманил туда Вику, похитил ее и обустроил дело так, чтобы мы считали нашу девочку погибшей и не искали ее до поры до времени⁷.

– До какой поры?

– Пока Вика не родит от него ребенка и фон Клотц не станет отцом наследника и соответственно сможет претендовать на наши деньги.

– И, судя по всему, ему это удалось? – Меня буквально передернуло – бедная девочка, родить ребенка от насильника! – Но зачем тогда он убил своего сына?

– Потому что это не его сын, – вмешалась Ника.

– Ты опять? – Голос Вики зазвенел слезами. – Ты опять увидела свою картинку? Тогда ты видишь, как мой мальчик летит в пропасть!

– Но вы же не нашли его тело, верно? – тихо проговорила моя дочь.

– И что? Мы просто не успели! Пока спустились вниз, там уже поработали волки. Они и тело этого гада, фон Клотца, обгрызли, а моего мальчика, моего Помпошу, моего Михаэля...

Она захлебнулась слезами и спрятала лицо на плече у матери.

– А твоего Михаэля спас Кай.

– К-кто?

– Тот, кого ты назвала Каем. И угадала, между прочим, его действительно так зовут. Кай Ландберг.

– Ника, перестань! – сверкнула глазами Саша. – Это переходит уже все границы!

– Сашка, заткнись, пожалуйста, а? – Я поддерживающе погладила руку дочери. – И слушай. Все, что говорит сейчас Ника, правда. Я тебе потом объясню, что к чему, а сейчас – слушай.

– Да, я увидела ту картину, о которой ты говоришь, Вика, – начала моя девочка. – Там, на небольшом выступе возле пропасти. Эта картина постоянно у тебя в голове, ты прокручиваешь все снова и снова, ты выжигашь себя изнутри. Но тогда ты должна помнить и легкое сотрясение горы в момент падения твоего сына.

– Было, – кивнул Слава. – Но очень легкое, даже камни не упали.

– Это был Кай. Вернее, действие какого-то прибора в его руках. Он стоял внизу, под обрывом, и, когда фон Клотц увлек малыша за собой в пропасть, Кай включил прибор. И падение ребенка замедлилось, но только ребенка, ваш родственник разбился всмятку. А мальчика отец успел поймать.

– Но как ты это смогла увидеть? – прошептала Вика, в глазах которой разгоралось пламя безумной радости.

– В памяти Кая.

– Но почему он не оставил сына мне, зачем забрал? Неужели он не понимал, что будет со мной?

– Не знаю, – пожала плечами Ника. – Мы смогли лишь уловить его сегодняшние эмоции и чувства. Нежность по отношению к мальчику, страх за его жизнь, ненависть по отношению к жене и выматывающая тоска, когда он думает о тебе.

– Жена? У него есть жена?

– Его заставили жениться, пообещав оставить тебя в покое. Но мы увидели еще кое-что, и это нам не понравилось.

– Да кто это «мы»? – не выдержал Славка. – Ты вроде одна тут сидишь?

– Мы – это я с моими друзьями-индиго. Одна я бы не смогла дотянуться так далеко. Я попросила сейчас о помощи, и они откликнулись.

– Ника... – с робкой надеждой улынулась Вика, – а ты... ты видела моего сына?

⁷ См. роман А. Ольховской «Тайна, деньги, два осла».

– Да.

– И... какой он?

– Он очень красивый мальчик. У него белые волосы и серебряные глаза. Он очень похож на своего папу, но только более загорелый.

– Михаэль... Помпончик мой! Я поеду за ним сейчас, немедленно! – Вика вытерла слезы и вскочила с кресла. – Мам, ну что ты сидишь, ты же слышала!

– Я слышала пока сказку, – упрямо поджала губы Саша. – Надо все проверить.

– У нас нет на это времени. – Личико Ники затвердело. – Я же сказала – мы увидели плохое. И если мы не поторопимся, мальчик погибнет.

– Что?!!

Часть 2

Глава 9

Вязкое, утробно булькающее, бесконечное серое месиво...

Сверху, снизу, слева, справа – эта мерзость была повсюду. И ничего больше.

Хотя нет, не так. Это сначала была только душная серость, но потом, постепенно, в этой серости что-то зашевелилось. В булькающей массе иногда проскальзывали смутные тени. Но проскальзывали так быстро, так неуловимо, что он не мог понять – что это?

А может, и не хотел. Ему было абсолютно безразлично, где он и что вокруг.

Он вообще не выделял себя из заполнившего пространство месива, мерно колыхаясь вместе с чавкающей пустотой. Висеть в ней было... никак. Тотальное, всепоглощающее безразличие.

Безразличие льда. Камня. Песка. Вечности...

Но тени, эти тени! Их появление, поначалу редкое и спорадическое, постепенно становилось все более частым, тревожащим, мешающим. Неуловимые паршивки начинали вести себя все наглее и наглее, пока наглость их не стала возмутительной! Они больше не мелькали в сером мареве неподалеку, они атаковали! Они буквально врезались в ту часть булькающей пустоты, где растворился он.

Снова и снова, раз за разом все сильнее, все болезненнее. Все ожесточеннее.

Месиво, поначалу не особо реагировавшее на мелких пакостниц – что они могут, шмако-дядки! – постепенно начало ощущать определенный дискомфорт. Что-то было не так, неправильно, что-то нарушало целостную картину существования этой вязкой бесконечности.

Но что? Что именно?

Месиво заволновалось, задергалось, пытаясь определить причину дискомфорта, оно усиленно булькало и чавкало, оно пыталось сформировать псевдоподии, чтобы прихлопнуть ими свербящих мерзавок. И уже почти отрастило, и уже занесло склизкое щупальце, но...

Но было уже поздно.

Упертые тени, где-то там, в другой реальности, называвшиеся Силой Воли, Инстинктом Самосохранения и Жаждой Жизни, сделали свое черное, вернее, белое дело.

Больше не было общей чавкающей пустоты. Настойчивые атаки теней постепенно уплотнили центральную часть серого месива, сформировав из него враждебную, смертельно опасную для пустоты субстанцию.

Разум.

Травмированный, пока не восстановившийся полностью, слабый и измученный, но – разум.

И последнее, что он услышал, вырываясь из серого месива, был злобный вой пустоты.

А потом все изменилось.

На смену серости пришел мрак. Нет, не угрюмый, беспросветный мрак смерти, а тот, с радужными переливами, который обычно прячется за плотно закрытыми веками.

Веки? Это те штуки, что закрывают... глаза? А глазами... глазами... смотрят! Ура, вспомнил! Так, сейчас поднимем эти самые веки и поглядим, что тут и как. И вообще, где он. И...

КТО ОН?

Мужчина уже почти выполнил приказ возвращающегося разума, но одна из теней, устало отдыхавшая в сторонке, угрожающе зарычала и бесцеремонно грызнула хозяина за мозжечок. Кажется, это был инстинкт самосохранения. И, кажется, он так тонко и изящно намекал на

то, что сначала надо окончательно вернуться из небытия, провести полную инвентаризацию органов чувств, а потом уже проверять их функционирование.

Причем с максимальной осторожностью.

«Но почему? Я ведь даже не знаю, кто я и что со мной!»

«Именно поэтому, идиот! Ты не знаешь, кто ты, что с тобой случилось и где ты находишься! А следовательно, я тоже не знаю. И для сохранения твоей самости надо продолжать изображать бесчувственное бревно, пока мы все вместе не разберемся, что происходит».

«Ладно-ладно, понял. Можно было и не так жестко!»

«Можно было. Но ты нас достал за этот месяц! Мы уже думали, что все, триндец. Ты навсегда останешься овощем, а нам придется тупо курить бамбук до самой твоей смерти. Мы с ребятами в кровь расшиблись, вытаскивая тебя, устали жутко и теперь хотим хоть немного отдохнуть. А тут ты снова идиотничаешь! Так что уж извини, что не поцеловал трепетно плечико и не пролепетал угодливо: «Барин, не стоит вам глазки покедова открывать, опасно это для вашего сиятельства»! Все, делай, что велено, и дай отдохнуть!»

А что велено, кстати? А, инвентаризацию провести. Ну что же, поехали. Со зрением пока не получится, не велено. Что там еще должно быть? Слух, обоняние, осязание, вкус?

Ай, молодец, вот умничка! Вспомнил, патиссон ты наш, не забыл!

Ну что же, осязание вроде имеет место быть. Оно подсказывает, что хозяин лежит на чем-то твердом, верхняя часть тела приподнята, в носу и в горле торчат трубки, в вены рук впились иголки.

А это значит? А фиг его знает, что это значит. Нет, ну понятно, что он, мягко говоря, не совсем в порядке, но с чем именно связан этот беспорядок – неизвестно. То ли травма, то ли он просто тяжело болен.

Ладно, потом разберемся. Что там дальше? О, слух!

«Так точно, сэр! Присутствует! Позвольте доложить: фиксируется мерный писк и периодическое пыхтение, что соответствует работе реанимационного оборудования. Кажется».

Ишь ты, а я умный! Вон, даже могу по слуху определить, что это пищит и сопит рядом!

Так, а вроде ничего, кроме этих звуков, и не слышно! А значит, никого нет. И можно открыть глаза! Ладно-ладно, хватит рычать, я и сам вспомнил – видеонаблюдение. Оно скорее всего имеется. Оно тут везде имеется, кроме сортиров. И то не факт.

Ну и где это – тут?

Не знаю. Но насчет видеокамер – знаю. Знаю, и все.

Так что если и рискнуть осмотреться, то надо сделать это незаметно. Чуть-чуть приподнять ресницы, не меняя положения головы.

Эй, эй, что за бунт на корабле? Обоняние и вкус, а ну, тихо! И как, по-вашему, я должен вас проверить? Понюхать и лизнуть? Что именно? Очень остроумно! Нашли время, придурки.

Не меняя положения, мужчина осторожно приоткрыл глаза, чуть-чуть, буквально на миллиметр.

Мда. Все страньше и страньше. Кто так говорил, кстати? Алиса говорила, из сказки Льюиса Кэрролла. Это ты помнишь. А вот что посущественнее – кто ты и где ты – вспомнить не получается.

Да и само помещение, в котором он находится, тоже как-то слабо поддается идентификации. Во всяком случае, на больничную палату это совсем не похоже. Потому что в похожем на сыр (из-за дырок разного размера) разуме словосочетание «больничная палата» транслирует совсем другую картинку: хорошо освещенное помещение со светлыми стенами и большими окнами, белый потолок, плитка на полу, сверкающее хромом медицинское оборудование, сложная аппаратура жизнеобеспечения, врачи и медсестры в белых халатах.

А здесь... нет, ну аппаратура имелась, именно она пищала и пыхтела, помогая ему дышать. И капельницы тоже присутствовали, унылыми цаплями нависнув над головой мужчины.

Что же касается светлых стен, окон, потолка и плитки на полу...

Ничего этого не было. Ни окон, ни светлых стен, ни белого потолка, ни плитки. А был металл. Со всех сторон.

Небольшая комнатка – максимум десять квадратных метров – была полностью закрыта металлическими листами. Причем металл был какого-то странного, непривычного оттенка, словно покрыт тонкой пленкой-хамелеоном – цвет постоянно переливался, вызывая легкое головокружение. Но это только если смотреть на него достаточно долго.

И видеокамер здесь было гораздо больше, чем можно было ожидать. Ну ладно бы одна – в наше время дело привычное, – но здесь холодные стеклянные зрачки таращились из каждого угла. А еще в каждом углу было смонтировано странное оборудование – непонятные приборы с небольшими раструбами. И все эти раструбы были направлены в сторону кровати, на которой лежал пациент.

Правда, судя по всему, приборы эти в данный момент не работали. Во всяком случае, никаких огоньков на них не светилось. Не факт, конечно, но мужчина был почему-то уверен, что эти прикамбасы отключены.

Откуда, как, почему он был в этом уверен – разберемся потом. Потому что сейчас некогда.

Потому что в сторону поехала одна из металлических стен, открывая проход.

Глава 10

В комнату вошли двое. Высокий стройный мужчина – ура, в белом халате! – и женщина постарше. Их можно было принять за брата и сестру, настолько они были похожи: светлые волосы, бледно-голубые глаза, правильные черты лица, анатомически пропорциональные тела – никакой кривоногости или кряжистости и в помине не было, не говоря уже о пузатости или сутулости.

Отличались вошедшие только одним – выражением лица. Подобострастно-виноватое – у мужчины, и властно-недовольное – у женщины. Которая, кстати, была одета, если можно так сказать, в цивильное: идеально сидящие серые брюки из тонкой шерсти, светло-голубая блузка, удобные серые туфли на невысоком каблуке.

Лежавший на кровати мужчина сквозь узкую щелочку век пристально вглядывался в эти почти одинаковые лица, мучительно стараясь вспомнить: кто это? Они знакомы или нет?

Что-то ворочалось и свербело на дне памяти, пытаюсь пробиться сквозь раны изувеченного разума, но ничего, судя по всему, не получалось.

Визитеры были ему незнакомы. А значит, он все сделал правильно – рядом с бесчувственным телом никто фильтровать речь не будет, и можно получить хоть какую-то информацию.

Женщина внезапно повернулась и внимательно посмотрела прямо в глаза лежащему. Во всяком случае, ему так показалось.

И опять болезненно дернулась струна в глубине памяти. Что-то связывало его с этой женщиной, и это что-то было не самым радостным.

Пришлось срочно задраить обзорную щель и выровнять сбившееся на мгновение дыхание. А то ведь вся эта пищащая фискаленька мгновенно сдаст подопечного хозяевам – аларм, господи, у патиссона сменился сердечный ритм и подскочило давление!

– Я же говорил вам, фрау Ландберг, – занудил тип в белом халате, – изменений нет. И скорее всего не будет. Слишком серьезной была травма, поврежден обширный участок головного мозга, и... Что вы так на него смотрите?

– Помолчи! – раздраженно приказала женщина, а затем по металлическому полу зацокали каблуки, выдавая направление движения хозяйки – к кровати.

Она приблизилась вплотную и, кажется, наклонилась над лежавшим. Во всяком случае, мужчина почувствовал запах ее духов. А еще... еще он ощутил что-то странное. Усталость, раздражение, злость и где-то на периферии, тщательно спрятанную от себя тоску.

И это были не его чувства, не его эмоции...

Но буквально через пару мгновений эта волна исчезла, как и горьковатый аромат парфюма – женщина выпрямилась и еле слышно произнесла:

– Показалось.

– Что? Что вам показалось, фрау Ландберг?

– Что Кай смотрит на меня. У него были чуть приоткрыты глаза.

– Да ну, глупости!

– Не забываетесь!

– Ох, простите, фрау Председатель! Что же касается приоткрытых глаз, такое уже бывало, и не раз, вы же сами видели. Рефлекторное движение век.

– Но в этот раз он смотрел! Прямо на нас! А потом, когда увидел, что я это заметила, прикрыл веки! Во всяком случае, мне так показалось.

– Увы, фрау Ландберг, вы сами убедились, что показалось. Даже если – подчеркиваю, даже если ваш сын и выйдет когда-нибудь из комы, он вряд ли останется настолько полноценным человеком, чтобы с ходу сориентироваться в происходящем. В лучшем случае нам удастся восстановить основные навыки, чтобы Кай смог хотя бы обслуживать себя сам. А в худшем –

бессрочная кома. Чудо, что он вообще выжил после такого удара! И двойное чудо, что мы смогли отыскать его в лесу! Если бы не его пес...

– Да, – глухо произнесла женщина. – Я никогда не могла понять привязанность сына к этому зверю – собаки и кошки приемлемы только в качестве подопытных животных, но в данном случае вынуждена признать, что пес оказался полезным. Мы как минимум несколько часов не хватились бы Кая, зная его привычку бродить по лесу, и он не дождался бы помощи...

– Ох, как вспомню, что творил его пес в лазарете! – Судя по голосу, доктор до сих пор был весьма впечатлен. – Лапы в гипсе, весь перебинтован, каждое движение явно причиняло колоссальную боль, и Лок обычно тихо лежал на подстилке. И вдруг – взвыл, буквально зарыдал, вскочил на переломанные лапы, упал, снова попытался подняться, потом просто пополз к двери, не переставая выть. Жуть! Я как раз осматривал Клару Рильке – она на пятом месяце беременности, – когда это началось. Так бедняжка Клара едва ребенка не потеряла от испуга. Признаюсь, я рассердился на пса, наорал на него, пнул пару раз – ноль внимания! Лок даже не огрызнулся, хотя ему было больно. Он продолжал ползти к выходу. И тогда я вспомнил все, что читал о привязанности собак к хозяевам, и понял – с Каем что-то случилось. И позвонил вам.

– А я еще не верила поначалу. – Голос женщины дрогнул. – Ведь буквально полчаса назад я видела сына, он как раз направлялся к жене. Позвонили Брунгильде – оказалось, что Кай был у нее всего пару минут, а потом ушел в лес. Как обычно. И я направила всех мужчин прочесывать окрестности. Они ходили больше часа, и ничего. Как убивалась бедняжка Брунгильда! Она так любит моего сына, несмотря ни на что. А я как раз накануне устроила ей разнос, обидела, унизила. Но девочка оказалась сильнее и мудрее, общее горе объединяет. Я не знаю, что бы стало с бедняжкой, не успеет ли мы к ее мужу вовремя!

– И опять благодаря Локу.

– Да, этот пес заслуживает уважения. Я, откровенно говоря, восприняла твое предложение пустить на поиски изувеченного пса как полный бред – он ведь ходить не может! Но других вариантов не было, и пса вынесли наружу. Причем именно через тот выход, куда он пытался доползти. А потом клали животное на землю, запоминали направление, в котором пытался двигаться Лок. И шли туда, поднимая пса на носилки.

– И пришли на место, мимо которого не один раз проходили наши люди, прочесывая лес, – восхищенно продолжил эскулап. – Но кто же знал, что там имеется глубокий провал под корнями старой сосны, тем более что этот провал убийца тщательно закидал ветками! Мы бы опять прошли мимо, но пес по мере приближения к провалу выл все громче, а потом начал биться на носилках так, что пришлось спустить его на землю. И он пополз к старой сосне, цепляясь за корни разломаченными бинтами.

– И привел к хозяину. – Лежавший почувствовал легкое прикосновение к своей ладони. – Помню, Брунгильда от радости упала в обморок, когда узнала, что мужа нашли. Хотя она очень мужественная девушка, как и полагается истинной арийке. Так стойко перенесла известие о том, что супруг скорее всего никогда не будет прежним! Брунгильда сказала мне, что будет рядом с Каем до конца. И примет его любым, станет ухаживать и любить. Все-таки я не ошиблась, когда выбрала в жены своему сыну эту девушку, пусть у нее и не получается пока родить наследника.

– Ничего, родит! Я ведь раз в полгода обследую вашу невестку и могу со стопроцентной уверенностью сказать – Брунгильда абсолютно здорова и готова выносить столько чистокровных арийцев, сколько сможет. Даже если ваш сын все же не выйдет из комы. Репродуктивная функция у него сохранена, я брал образцы – семя вполне полноценное.

– Подождем еще немного. – Пахнувшая духами ладонь провела по лбу мужчины, и затем каблук зацокали к выходу. – Кай не хотел, чтобы его дети были зачаты в пробирке, да и сама процедура ЭКО весьма болезненна для будущей матери, хотя Брунгильда уверяет меня, что готова терпеть. Славная девочка! Настоящая Мать Нации! Кстати, если уж у нас получился

час воспоминаний, давно хотела узнать: а что там с Локом? После того как он нашел Кая, я как-то упустила его из вида.

– Ну почему же упустили – вы распорядились лечить пса как можно лучше и даже разрешили пускать его, когда встанет, к хозяину.

– И что? Пускали? И где он сейчас? Что-то я ни разу его не видела.

– Да тут такое дело... В общем...

– Ганс, в чем дело? Что ты там мямлишь?

– Я дал слово не рассказывать вам об этом.

– Кому?

Молчание.

– Герр Краух, я как Председатель Президиума Восточного Подразделения «Аненербе» приказываю вам отвечать! Кому вы дали слово и в чем заключалось это слово?

– Брунгильде.

– Что? Моей невестке? А она какое отношение имеет к собаке мужа? Насколько я помню, она животных вообще терпеть не может.

– Они ее тоже.

– Что ты там бубнишь себе под нос? Говори четче!

– В первый же раз, когда я привел выздоровевшего Лока сюда, тут была Брунгильда. Я и глазом моргнуть не успел, как пес вдруг зарычал, вырвал из рук поводок и бросился на вашу невестку. И я по глазам видел – Лок будет убивать. Вы же видели эту махину – у Брунгильды не было ни шанса.

– Но она жива-здоровая и даже не ранена!

– Потому что с ней охранник был, Адольф, он и выстрелил в пса.

– И убил?!

– Нет, ранил. То ли в плечо, то ли в грудь – я не успел рассмотреть.

– Что значит – не успел рассмотреть? Ты же доктор, ты должен был осмотреть животное, спасшее жизнь моему сыну!

– Да все так быстро произошло, что я растерялся. Рычание, бросок, выстрел, визг пса, а потом этот Адольф снова собрался стрелять, я рефлекторно выбил у него из руки пистолет, Брунгильда истерит, охранник тупо полез за своим оружием, я оглядываюсь, а Лока уже нет. Только кровавый след в коридор тянется. Пока успокоил вашу невестку, пока разобрались с прибежавшими охранниками – Лок исчез. Я думал, что найду его если не в коридорах, то уж где-нибудь в лесу – точно, но увы. Раненый зверь ушел. Куда – не знаю. Скорее всего, умирать, потому что с тех пор он так и не вернулся больше. Что, учитывая его привязанность к вашему сыну, может означать только одно – пса больше нет.

– Но почему Брунгильда решила скрыть этот инцидент от меня?

– Она боялась вызвать ваше недовольство. Ведь этот пес стал чуть ли не героем в ваших глазах, он спас Кая. И вдруг – погиб от пули охранника вашей невестки.

– Глупости какие! Разве можно сравнивать человека и животное, пусть даже это животное оказалось полезным! Да я сама, собственными руками пристрелила бы зверюгу, причини он будущей Матери Нации хоть малейший вред! Так что Адольфа наградить надо. А что, пес со всеми был так агрессивен?

– Нет. К остальным он был безразличен. Терпел. И меня, и других. Поэтому я растерялся в тот раз.

– Ну да ладно, бог с ним. Даже хорошо, что пса больше нет. Кай, думаю, и не вспомнит о нем, а Брунгильде постоянный стресс ни к чему. Ну что же, я пойду, у меня дела.

– А я проверю работу аппаратуры.

Глава 11

Каблуки уцокали, завершив вояж шипением дверного сервопривода, и в комнате – или все же больничной палате, пусть и странной? – остался только доктор. Он, насвистывая какую-то свербяще знакомую мелодию, шоркал подошвами вокруг кровати. Проверял, наверное, систему полива и подкормки патиссона.

Вот скрипнул штатив капельницы – похоже, меняет минеральные удобрения. Потом шаги отдалились в сторону рубки управления всей системой жизнеобеспечения, и лежавший на кровати мужчина решил снова приоткрыть глаза. Изувеченный разум, нокаутированный потоком обрушившейся информации, ушел в отказ, о чем и оповестил хозяина весьма доходчиво, послав его конкретно и не очень далеко. Оставалось одно – перейти в режим автоматической записи происходящего, чтобы потом, попозже, когда этот ренегат и оппортунист прекратит наконец выкобениваться и займется своими непосредственными обязанностями, у него был максимум вспомогательного материала.

Веки послушно раздвинулись на миллиметр, трансляция включилась, показывая склонившегося над одним из приборов эскулапа. Тот продолжал глумиться над слухом, издавая все тот же пронзительный и совсем не мелодичный свист. Знакомый мотивчик угадывался все меньше и меньше, пока не оборвался на самой высокой ноте, заставив лежавшего на кровати произвольно поморщиться.

Что обязательно зафиксируют камеры видеонаблюдения, но большой проблемы не было – всегда можно объяснить произвольным подергиванием лицевых мышц. Главное, попытка над слухом прекратилась.

Но прекратилась она, как оказалось, совсем не случайно.

Доктор подтащил поближе стул, сменив скрюченно-вертикальное положение на комфортно-полувертикальное, и снова, судя по всему, более внимательно, начал просматривать длинные бумажные полосы, выползавшие из какого-то аппарата.

– Любопытно, – негромко произнес он. – Очень любопытно. Хотя... Нет, такого точно не может быть! Мозг слишком травмирован, если бы не нейрохирург из Западного подразделения, я бы не вытянул пациента... Но и после операции энцефалограф выдавал ожидаемый результат – полное отсутствие малейшей активности мозга. Месяц – одно и то же. А сегодня... Надо срочно сообщить фрау Ландберг – кажется, Кай возвращается!

Он вскочил и, уронив стул, бросился к выходу. Торопливо набрал какой-то код на небольшой панели перед дверью, вставил в прорезь пластиковую карточку и, едва дверь отъехала на достаточное расстояние, протиснулся в образовавшуюся щель и утоптал.

Дверь педантично выполнила весь заложенный в программу алгоритм действий – открылась до конца, а потом так же неспешно поехала обратно.

Так что оставленный без присмотра пациент мог спокойно убежать.

Если бы мог бегать. Или ходить. Или хотя бы шевелиться...

Но оказалось, что он не мог НИЧЕГО!!!

Волна липкого ужаса медленно, проникая в каждую пору, прокатилась по телу. Зачем ему разум, память, чувства и эмоции, если он на всю жизнь останется неподвижным?! Мочиться под себя, гнить от пролежней, терпеть унижительные процедуры гигиенического ухода?! Нет, лучше сдохнуть!

Мужчина застонал и судорожно сжал пальцами простыню.

Так, стоп! Сжал? Пальцами?! Так, значит... значит, он все-таки не утратил полностью контроля над телом? И со временем все восстановится?

Надо срочно проверить, что он может еще. И плевать на видеокamеры, его все равно уже сдал этот, как его... а, энцефалограф.

Ну что же, оказалось, что может он немного. Помимо пальцев рук, ему подчинились пальцы ног и немного – ступни. И все. Согнуть ноги в коленях или поднять руки он пока не мог. Ну и ладно. Главное – сохранена чувствительность, а с остальным он справится. Потому что должен справиться, и как можно раньше. Потому что он нужен!

Кому? Этого он не знал. Просто чувствовал всем своим изувеченным существом – его ждут. Его любят. Без него пропадут.

Но кто? Кто?! КТО?!!

Мужчина скрипнул зубами и пнул свернувшийся улиткой разум: «Поднимайся! Ну же! Ты мне необходим! Я должен вспомнить, кто я и что я! Эта женщина... она так много говорила... Но я пока не могу все разложить по полочкам, понять, разобраться! Не могу без тебя! Да вставай же, сволочь! Действуй!»

Бесполезно. Улитка так и не развернулась, оставив хозяина под грудой информационных обломков. А сам он не мог сложить из них целостную картину. Кай, Брунгильда, Лок, Краух, Ландберг, сын, жена, мать – кто есть кто?

Мужчина застонал от бессилия, из-под плотно закрытых век выкатились две слезинки и медленно поползли, четко следуя указаниям закона тяготения, вниз, к подбородку.

Это еще что такое?! Ты еще сопли пусти, слабак! Ничтожество! Слюняй!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.